



## ГЛАВА 1

**М**онах долго осматривал его затылок и шею, просил поворачивать голову, наклонять и задираť ее, трогал, трогал отек, выдавливая из раны кровь, и после этого сказал:

— Думаю, слава богу, кость в шее цела и зашивать рану не нужно... Вдруг начнет гнить, оставляю гною выход. Волосы вокруг выбрею, так рана будет чище. Смажу серной мазью с шалфеем. Болит?

— Терпеть можно, — отвечал кавалер, разминая шею.

— Какая была необходимость в вашей храбрости? — спросил Рене, вертя его помятый шлем в руках. — Я у Бертье спросил, так он говорит, что вы пошли вперед сами.

Рене, Роха и Бертье стояли тут же, молчали, смотрели и слушали монаха, и Максимилиан присутствовал, и еще сержанты. Поэтому разговор, который начал Рене, был Волкову особенно неприятен.

— Туман стоял, — сухо ответил Волков.

— Туман? А может, ты храбрость свою показывал? Так и без того все знают, что ты храбр до безрассудства, — на правах старого знакомого фамильярно «тыкал» ему Игнасио Роха. Он взял из рук Рене шлем Волкова и попытался пальцами вытащить застрявший в затылочной части обломанный шип моргенштерна. У него не вышло, шип сидел намертво.

— Вся наша блестящая победа ничего бы не стоила, если бы вы сейчас были мертвы, — продолжал Рене.

Эти нравоучения раздражали кавалера, а еще монах так противно выскребал рану бритвой, что хотелось заорать на него. Волков едва сдерживался, чтобы не послать офицеров к черту. Только Бертье встал на его сторону:

— Да будет вам, господа, ничего же не произошло, иной раз мне самому хочется встать в первый ряд, взять топор да позабавиться немного, тем более что кавалер пошел вперед из-за тумана. Я ему сказал, что его место

под знаменем, а он ответил, мол, в таком тумане у стяга никто его не увидит и что нужно поглядеть, что впереди.

— Кавалер, — продолжил Рене, — в другом случае мы не смели бы вас упрекать, ваше право, где вам быть во время сражения, но вы наш вождь, а еще наш сеньор. Вы дали нам место для домов на вашей земле, дали нам землю для пахоты, и нам не хочется это терять. Если вас убьют, а вы не оставите наследника, на Эшбахт сядет другой господин. Он может привести своих людей, а нас попросит вон. Так что ваша жизнь — не только ваша.

— Он прав, Фолькоф, — сказал Роха все так же фамильярно. — Ты уж либо заведи наследника, либо не лезь на рожон.

Кавалер молчал. Будь его люди хоть трижды правы, слушать их надоело. Волков оттолкнул руку монаха, который, кажется, закончил брить ему затылок, встал и пошел прочь. Последовать за ним отважились только Максимилиан да монах.

— Господин, дозвоьте смазать рану! — Брат Ипполит бежал за рыцарем с вонючей склянкой.

Кавалер остановился, дал монаху закончить работу. И тут к нему пришел немолодой сержант из людей Брюнхвальда. Волков помнил его еще по Ференбургу:

— Господин, эти сволочи машут тряпками с того берега.

— Машут? — Волков повернулся, принялся приглядываться.

Солнце уже встало, тумана на реке почти не осталось, дымка легкая, да и только. Другой берег уже можно рассмотреть. Да, с того берега кто-то размахивал белым полотном. И еще один был, махал большой зеленой веткой.

— Вы бы не стояли так, господин, — заметил сержант и сделал шаг вперед, прикрывая Волкова. — Не дай бог, найдется у них хороший арбалетчик, а вы без шлема.

— Нет, — отвечал кавалер, — они стрелять не будут, они хотят мертвяков забрать.

— И что? Отдадим? — спросил сержант.

— Пусть забирают, но ты спроси, чего хотят.

Сержант быстрым шагом направился к реке.

— Эй вы, безбожники, чего вам? — заорал он, подходя к воде.

— Парламентер к вам. Примете? — отозвались с того берега.

— Господин, — обернулся к Волкову сержант, — они спрашивают...

— Пусть едет, — сразу согласился кавалер, он все слышал.

— Господин Эшбахта позволяет вам, безбожники, ступить на его землю! — прокричал сержант.

На лодке с двумя гребцами приплыли с того берега немолодой офицер и горнист. У обоих белые ленты на левых руках. Волков принимал их сидя, Рене, Бертье, Роха стояли за его спиной.

Трубач протрубил «внимание», офицер поклонился и сказал:

— Я ротмистр Майлинг из Перенгира.

— И что вам надобно, ротмистр Майлинг из Перенгира? — спросил Волков и был с ним невежлив, не стал представляться.

— Жены наших людей хотят знать, есть ли такие из наших людей, что остались живы и что сейчас находятся в вашем плену.

— Жены? — злорадно хмыкнул Роха.

— Ваши жены, наверное, знают, что их мужья всегда вели «плохую войну», никого в плен не брали. Отчего же они думают, что с вами будут вести «войну честную»? — ответил Волков.

— Значит, пленных наших у вас нет? — уточнил прибывший офицер.

— Ни единого.

Офицер помолчал, вздохнул и задал новый вопрос:

— Дозволите ли вы забрать тело капитана Пювера? И других павших.

Сначала кавалер не понял, о чем просит приехавший, а когда сообразил, так едва сдержался, чтобы не выказать радость. Неужели и капитан их тут погиб? Какая это радостная новость была. Но при горце Волков радоваться не стал, сдержавшись, он только кивнул великодушно:

— Забирайте всех.

— Вы излишне добры к этим еретикам, кавалер, — заявил Роха, весьма недружелюбно глядя на парламентаря и трубача. — Нужно было послать их к черту. Он их папаша, кажется. А вот этих вот двоих повесить.

Волков только махнул рукой. Нет, он не собирался усугублять неприязнь. Он подумывал о том, что впоследствии, если не придется бежать из Эшбахта, с горцами лучше жить в мире. Ни к чему делать из них кровных врагов. Одно дело — война, и совсем другое дело — ненависть.

— Забирайте, но я не знаю, где ваш капитан, — сказал он. — Может, он в реке.

Когда бой закончился, весь берег у воды оказался усыпан оружием и доспехами, которые горцы сбрасывали с себя, прежде чем кинуться в воду. Доспехи и оружие уже собрали. Мертвяки были уже не нужны, солдаты стащили с них доспехи и годную одежду.

На берегу валялось девятнадцать трупов. Еще семеро были изрублены в трех лодках, и были еще мертвые в воде, но тех никто не считал, может, капитан оказался среди них.

— Я позову сюда людей, — предложил парламентар, — мы поищем капитана.

— Шестерых будет довольно, — ответил кавалер, — и чтобы все пришли без железа.

— Как пожелаете, господин фон Эшбахт. — Офицер горцев поклонился и пошел к лодке.

— Так мы что, и капитана их зарезали? — тихо спросил Бертье, когда парламентар еще не отошел далеко.

— Кажется, что так, — кивнул Волков.

— Ах, какое славное вышло дело, — скалился Роха. — Ни одного убитого у нас, а мы их целую кучу набили, да еще и капитана прикончили. Будут теперь знать, чертовы безбожники, как к нам соваться.

— И то верно, — заметил брат Семион, неожиданно для всех появившийся среди офицеров. — Подумают теперь дети сатаны, как оспаривать волю Божью, как противиться Длани Господней.

Все с ним согласились. Все улыбались, может быть, и иронически, но спорить со святым отцом никто не собирался. И Волков, не боли у него шея, тоже улыбался бы. А сейчас он только морщился от боли, пытаясь крутить головой.

Люди Волкова занялись приготовлением завтрака: после дела все ощущали голод. Горцы приплыли, стали собирать мертвых. Помимо тех, что были убиты на берегу и в лодках, нашли еще одиннадцать мертвых в реке. Перед тем как отдать этих, Роха потребовал, чтобы с найденных в реке сняли доспехи.

— Моим ребятам не хватает доспехов. Ваши придутся нам кстати. — Скарафаджо словно специально злил приплывших горцев, еще и смеялся при этом.

Горцы с мрачными лицами беспрекословно выполнили требование, хотя он был с ними не только насмешлив, но и груб.

Трижды они плавали на свой берег, отвозили полную лодку трупов, но капитана так и не нашли.

— Многие потонули в реке, там, где глубже, — заметил Бертье, глядя на последнюю уплывающую лодку с мертвецами, — как мы их смяли

и загнали в воду, так многие стали уплывать. Видно, не все успели доспех снять или не все плавали хорошо. Вот и капитан их там же, на дне, наверное.

— Лишь бы не выплыл, — отозвался Роха.

— Да, — согласился с ним Рене, — лучше он пусть там лежит, чем здесь ходит.

Когда солдаты и офицеры стали есть, Волков не присоединился к трапезе. Во-первых, болела шея, голову не повернуть, во-вторых, он не знал, что будут делать горцы дальше. Где они? Часть их все еще топталась на берегу. Лодок у них теперь, конечно, мало, но, черт их знает, может, еще пригонят от Милликона. Там, у пирсов, этих лодок и барж десятки. А вдруг сунутся опять, только не в этом месте. Вряд ли, конечно, такое случится. В этот раз им дали так крепко, что теперь только самый сильный командир осмелится еще раз попробовать высадиться. Интересно, вправду ли капитан погиб, или горцы врут, задумав что-то.

— Черта с два они теперь сунутся, — убедительно говорил Роха.

— Да, — соглашался с ним Бертъе, — разбредутся по своим домам, станут раны зализывать.

— Хорошо бы, если бы так, — поддерживал разговор Рене, — если действительно их капитан погиб, точно разбредутся, пока нового не выберут.

Волков ушел от своих людей, встал на берегу и оттуда смотрел на веселых обедающих солдат. Которым, кстати, нужно было платить за этот поход. Офицерам он платить не собирался, они все понимали, знали, что воюют за свои домишки и наделы земли, что им пожаловали. А вот с солдатами такое не прошло бы. Двести пятьдесят монет, а то и триста, будь добр, приготовь. И чем дольше он будет держать их на берегу, тем больше придется заплатить. Вместо радости от победы одолевали рыцаря все эти мысли да боль в шее.

Но Господь милостив, прибежал дозорный солдат с западного холма и сказал, что кавалера спрашивают господа, но дозорные их задержали.

— Представились? — насторожился Волков.

— Ага, говорят, что они соседи ваши, зовут их Гренеры.

— Пустяки.

— Идите, идите и кланяйтесь, Карл! — говорил сосед своему молодому спутнику, слезая с лошади. — Кланяйтесь этому рыцарю. И я ему поклонюсь.

Оба они кланялись немного обескураженному Волкову. Тот поклонился в ответ.

— Надеюсь, вы помните меня, сосед, — говорил пожилой мужчина, — я был у вас по весне с двумя моими младшими сыновьями.

— Помню, помню, — отвечал кавалер, хотя припоминал этого господина с трудом, — только имя ваше позабыл.

— Гренер, Иоахим Гренер, а это мой сын Карл, мы из поместья Гренер, что в десяти милях отсюда вниз по реке, — говорил пожилой помещик.

— И что же вас привело сюда, друг мой? — спросил его кавалер. — Может, какая нужда?

— Да какая же нужда, наоборот, счастье, добрый мой сосед, счастье, которого я ждал многие годы, и виновник этого счастья — вы.

— Неужели? — не понимал Волков.

— Мужики мои ставят сети прямо сразу за вашей границей, пошли сегодня проверять их, а там мертвяк! Даже два! И по одежке совсем не наши, не лодочники, мы их по исподнему опознали, собаки горные, чтоб им пусто было. Я как раз недалеко был, дети меня и позвали. А пока ехали, так еще нашли двоих, их течением вынесло к траве, к берегу прибило утопленников. Плавают притопленные. Я уже думал, что баржа или лодка перевернулась, может, от жадности ее перегрузили дураки, а она и потони. Но нет. Вижу, порубленные двое. Видно, резали их перед тем, как в реку бросить.

Волков молчал, только чуть улыбался, глядя на соседа. И Максимилиан молчал, стоял за его спиной. И сын соседа в беседе не участвовал, слушал отца почтительно.

А Гренер все говорил:

— Гляжу, как туман с реки сошел, так плывет лодка у моего берега, там эти псы горные, мертвяков своих ищут. Кричат нам, не видали ли мы людей, не спасся ли кто. Ну, мы и говорим: вон, дохлые плавают, забирайте, на кой нам ваша дохлятина. Ну, стали они вылавливать мертвых своих. И тут мы из их слов поняли, что крепко они получили. Говорили они, что много потонуло их, говорили, что всех не выловить. Я сразу на вас подумал. Думаю, никак, это мой сосед их проучил. Все же слышали, что вы их ярмарку пограбили, думаю, решили эти дураки сдачи дать, сунулись, а сосед-то мой не промах, опять их умыл. Вот я и крикнул сыну: «Седлай, Карл, коней, поедем, узнаем, как дело было». Всего час езды,

и мы тут. Вот и приехали узнать подробности и поздравить вас. Уж расскажите, как тут вышло, я тоже в седле не один год провел под знаменами нашего герцога.

Вся эта речь была полна восхищения и очень радовала кавалера. Правда, последние слова Гренер произнес без должного почтения. Волкову показалось, что не очень-то сосед жалуется курфюрста.

— Рассказывать особо нечего, — отвечал он соседу. — Узнал я, что горцы лодки пригнали сюда, решил поглядеть, к чему это, пришел, а они тут высаживаются. Ну, мы им высадиться не дали. Скинули в реку тех, кто вылез. Вон, три лодки от них тут остались.

— Ах, какой же вы молодец, нам такого тут и надо было, — опять заговорил Гренер. — Не было от них, от задир, жителя, разбойники и воры, и сколько на них мы ни жаловались и графу, и герцогу, те отмахивались. Велели мириться с ними. А как мириться с воров? Разве что еще больше ему отдать? А тут вы их и побиили.

— Боюсь, дело еще не кончено, — произнес кавалер.

— Не кончено, не кончено, — тут же согласился Гренер, — они злобу затаят, но вот что я вам скажу. Теперь-то вы не один, если они еще надумают, так мы, все местные сеньоры, ну, кроме графа конечно, на помощь вам придем без всякого промедления. Только позовите. Раньше, когда горцы озорничали, так все ждали, что граф позовет в ополчение, а граф и не звал. А других таких, кто позвал бы, не находилось, хотя многие пришли бы. Да, все мои соседи пришли бы, если бы кто их позвал. Вот так они нам опротивели, воры эти горные.

— Что ж, рад я, что вам угодил, коли будет нужда, так уж не сомневайтесь, позову теперь воевать, — отвечал соседу Волков.

— Уж угодили, угодили, — улыбался Гренер, хватая руку кавалера и пожимая ее с жаром. — И зовите нас, придем, уж больно радостно было нам видеть, как они из воды своего дохлого капитана вылавливали.

— Капитана? — оживился кавалер. — Вы точно знаете, что капитан их утонул?

— Точно, — впервые заговорил молодой Гренер. — Я сам слышал, как они в лодке говорили, что нашли капитана, кажется, звали его... — Юноша замолчал, вспоминая.

— Пювер, — напомнил кавалер.

— Точно, точно! — обрадовался Карл Гренер. — Пювер. Один на лодке так и сказал: «Это Пювер, наш капитан».



Вот только теперь Волкову стало спокойно. Можно было уже не волноваться, уже стало ясно, что горцы разойдутся по домам, пока не выберут нового командира.

— Господа, — произнес кавалер, — я еще не обедал, прошу вас к столу. Но еда у меня самая простая, солдатская.

— С удовольствием принимаем ваше приглашение, — сказал сосед. — Ничего, что еда солдатская, я полжизни такую ем. И сыну моему не привыкать.

Волков повел гостей к господам офицерам, настроение у него изменилось, тревога покинула его, он уже проголодался и был не против поесть.



## ГЛАВА 2

**И**дти на берегу больше не было смысла, если капитан горцев погиб, значит, как сказал Бертъе, «разбредутся они по домам раны зализывать».

И держать в готовности столько народа не было нужды, да и дорого. Волков решил вернуться в Эшбахт. Оставил только дозоры на реке да сержанта Жанзуана в рыбацкой деревне, чтобы плоты по его воде бесплатно не плавали.

А затем, когда уже садился на коня, впервые, кажется, за день заметил, что рядом нет здоровяка Александра Гроссшвулле.

— А где Увалень? — спросил кавалер у Максимилиана.

— Так он ранен, — отвечал тот. — Сначала вроде крепился-крепился, а потом как кирасу снял — а у него вся стеганка кровью пропиталась. Ипполит дыры в нем зашивал, велел в телеге ехать.

— А ну поехали, посмотрим, что с ним, — сказал Волков и подумал, что и сам не прочь на обратном пути в телеге устроиться.

Но ему этого делать было нельзя. Нет, он должен ехать впереди своего оруженосца, под своим знаменем. Он же теперь, с легкой руки болтливого монаха, Длань Господня.

Увальню в телеге нравилось, других раненых в ней не было, лежа на соломе всяк приятнее ехать, чем сидя в седле. Рядом лежали его доспехи и оружие. Только вот на сей раз этот щекастый и краснолицый парень оказался бледен, хотя и улыбался. Голова его была перевязана, но больше всего тряпок ушло на его плечо.

— Это кто же вас? — спросил Волков.

— Так тот же, что и вас ударил, он, он, скотина, — сообщил Увалень со слабой улыбкой. — Он как вас по голове приложил, вы на колени присели, а этот негодяй для нового удара замахнулся. Вы же мне сказали всех бить, кто на вас замахивается, я его алебардой и ткнул. Вот он на меня

и обозлился, вас бросил. Алебарду мою левой рукой схватил, да так крепко, что я и выдернуть ее не мог, а сам меня бьет и бьет своею колючкой! — С этими словами парень полез в солому и достал из нее моргенштерн, показал его Волкову и Максимилиану: — Вот этой вот. Слава богу, что вы ему ногу изрубили, я уж думал, он меня забьет насмерть.

Волков не очень хорошо помнил все это, он тогда задышался, кажется, и плохо видел в перекошенном шлеме и сбившемся под ним подшлемнике.

— А как вы ему всю ногу изрубили, так он кинулся бежать, — продолжал Увалень. — Но куда на разрубленной ноге-то убежишь! Я его догнал и убил.

— Твой первый убитый противник, — сказал Волков.

— Да, — ответил Увалень не без гордости.

Он вроде даже этим кичился, красовался перед Максимилианом.

Оруженосец молчал, хмурил брови и слушал. Он всегда и во всем превосходил Уваленья: по знаниям, по опыту, — хотя и был младше него. И тут на тебе: Увалень убил в бою горца. И, чтобы еще потешить самолюбие здорвяка, Волков добавил:

— Гордись, ты убил очень сильного врага. Очень сильного.

Увалень буквально расцвел и с вызовом глянул на Максимилиана: мол, слышал?

Максимилиан даже отвернулся.

К вечеру того же дня Волков оставил солдат, что еще тащились по оврагам и кустам, на попечение офицеров, а сам к сумеркам был уже дома.

И не только желание побыстрее лечь в нормальную постель двигало им. К вечеру начала болеть шея. Чертов горец со своим моргенштерном, будь он проклят. Еще и нога напомнила о себе. В общем, когда доехали, Максимилиану и брату Ипполиту пришлось помогать кавалеру слезать с коня.

Дом, полный женщин, ждал его: сестра, госпожа Ланге, племянницы и даже служанка Мария — все ему были рады. Госпожа Ланге и сестра так и вовсе прослезились. А племянницы прыгали и лезли к нему, даже старшая. Только жена едва обронила:

— Вернулись, господин мой?

Сказала, лицо скривила, словно господин ее в нужник на двор ходил. И больше ничего, взяла вышивку свою и стала дальше рукодельничать.

Да и черт бы с ней, но, как ни странно, Волкову почему-то хотелось, чтобы она узнала о его победе, посочувствовала его страданиям от ран и тягот. Но этой женщине, что являлась его женой перед людьми и Богом, было все равно.

— Мария, вели мне воду греть! — крикнул кавалер и, тяжело хромя после долгой дороги, пошел наверх. — Да одежду приготовь.

— Господин, ужин еще теплый.

— Сначала мыться.

После мытья и мазей монаха Волкову немного полегчало. Сел он есть, племянницы стали его расспрашивать про злых горцев, про то, как его ранили. Все слушали, даже дворовые пришли и толпились в проходе, желая хоть краем уха услышать, как дело было. Но Волков больше шутил, смешил племянниц, пока не припомнил, что ему какой-то святой помог горцев победить.

Как про святого он заговорил, так сестра Тереза вспомнила:

— Брат мой, так к нам тоже святой приходил сегодня поутру.

— Ах да! — воскликнула госпожа Ланге. — Конечно, был у нас утром святой человек, отшельник местный, вас спрашивал. Но мы сказали ему, что вы на войну пошли, так он за вас молился.

— А он сказал, зачем приходил?

— Говорил, что дело ваше знает, — вспоминала сестра. — А про то, что это за дело, ни слова.

— Да, так и сказал, — добавила Бригитт. — Говорил, что дело ваше знает, говорил, что Бога молил, и Тот послал ему откровение.

Это была хорошая новость. Да, хорошая. Если бы удалось после победы над горцами еще и зверя изловить, то герцогу пришлось бы подумать, прежде чем проявлять свою немилость к господину Эшбахта.

— Не сказал, куда ушел или когда придет опять? — спросил Волков после некоторого раздумья.

— Ничего не говорил, — ответила сестра.

— Ничего, — подтвердила госпожа Ланге.

— Максимилиан, завтра, если силы будут, съездим к нему, и шлем мой возьмите, завезем его кузнецу, он хвастался, что все может починить. Посмотрим, не врал ли.

— Да, кавалер, — ответил оруженосец.

Волков отодвинул тарелку и взглянул на жену. Она сидела за столом, далеко ото всех, уткнувшись в свою вышивку, вид у нее был такой, будто все, что происходит, ее совсем не касается, ей неинтересно.